

ная и волнующая к ним любовь всегда сочетались с требовательностью беспрекословного подчинения.

Я старался установить для себя в пределах сценария четкие куски для выражения всех этих черт, не искаляющих и такой, как спосособность при случае и «драить» людей.

Крайности увлекали меня, и мне стало ясно, что установленная Нахимовым дисциплина, превосходящая порой официальные нормы, человечность и душевная теплота, огромное самообладание в бою—все это в целом человек высокого понятия долга.

Что же могло мне помочь в решении труднейшей актерской задачи сделать образ Нахимова? Только, как говорится на нашем актерском языке, верный ключ к образу. Мне кажется, что я нашел его в таком простом и одновременно таком сложном и могучем слове, как т о ч н о с т ь.

Точность в поступках, как следствие точного ощущения героем чопорного и властительного Петербурга и простых сограждан Севастополя.

Точное представление о царской власти и подвластном ей народе.

Точный, торный путь развития образа, предстоящего перед зрителем в различных, порой противоречивых качествах, но в движении слитных.

Эта работа была особенно трудна потому, что она следовала непосредственно за работой над образом Кутузова, и я боялся повторения найденного.

Поверьте мне: как бы актер ни гримировался, он всегда останется похожим на самого себя, даже если образы совершенно отличны друг от друга.

Итак, в «Нахимове» меня больше всего волновали или, как говорится, «грели» те куски роли, где наиболее полно проявлялись контрастные проявления характера.

Горячность в бою и апатия, наступившая после боя.

Способность в самые жаркие минуты Севастопольской страды обратить внимание на ребенка и обогреть его теплом своего большого сердца.

Какая-то абсолютная беспомощность, беспомощность и неловкость великого флотоводца, не знающего куда деть себя в момент случайного присутствия в обществе влюбленной пары.

Очень дороги мне те куски в роли Нахимова, где раскрывались черты его личной храбрости, непоказной, не демонстративной, а с оттенком холодного спокойствия и кажущегося равнодушия.

В момент окончания Синопского боя Нахимов говорит, взглянув на часы:

— Все дело заняло три часа пять минут.

Словно не бой провел только что флотоводец, а учебные стрельбы или проверку точного применения знаний на практике.

Это и есть настоящая храбрость и настоящее мужество.

На всех этапах работы и в решении каждого отдельного куска роли я боялся переиграть, то есть соскользнуть на ложный путь преувеличения, впасть в шарж и тем самым огрубить образ Нахимова.

Все это обязывало крайне внимательно и точно определять для себя художественную меру каждого отдельного нюанса.

И вот, в результате опыта моей работы перед киноаппаратом я хочу обмолвиться несколькими словами в развитие моих начальных высказываний.

Само собой разумеется, что, говоря о слиянии театра и кино, двух искусств со своей особой спецификой, я имею в виду не взаимное поглощение, не смещение или сближение жанров, а глубокое проникновение одного искусства в другое.

Я считаю, что искусство кинематографа в ближайшем будущем будет положено на фундамент культуры театра.

Я совершенно твердо и искренне убежден, что в самом недалеком будущем наше киноискусство преодолеет свой основной недостаток—однообразие форм и бедность жанров.

Никакая популярность не сможет оправдать эти недостатки.

Я также твердо убежден, что в самое ближайшее время в творческом соревновании с зарубежной кинематографией результаты будут в нашу пользу не только по качеству, но и по количеству. К этому налицо все предпосылки и основная из них: наша государственность и внимание к кино нашей партии. Этим не могут не воспользоваться наши художники.

Я хочу быть в их рядах, чтобы добиться той степени мастерства, которая позволит мне сказать:

— Да, теперь я стал киноактером.